

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВ

В АФГАНИСТАНЕ,
В «ЧЕРНОМ
ТЮЛЬПАНЕ»

ГОРЯЧИЕ
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию
ВЫВОДА
СОВЕТСКОГО
КОНТИНГЕНТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Горячие точки. Документальная проза

Геннадий Васильев

**В Афганистане, в
«Черном тюльпане»**

«Центрполиграф»

2014

Васильев Г. Е.

В Афганистане, в «Черном тюльпане» / Г. Е. Васильев — «Центрполиграф», 2014 — (Горячие точки. Документальная проза)

Васильев Геннадий Евгеньевич, ветеран Афганистана, замполит 5-й мотострелковой роты 860-го ОМСП г. Файзабад (1983–1985). Принимал участие в рейдах, засадах, десантах, сопровождении колонн, выходил с минных полей, выносил раненых с поля боя...Его пронзительное произведение продолжает серию издательства, посвященную горячим точкам. Как и все предыдущие авторы-афганцы, Васильев написал книгу, основанную на лично пережитом в Афганистане. Возможно, вещь не является стопроцентной документальной прозой, что-то домыслено, что-то несет личностное отношение автора, а все мы живые люди со своим видением и переживаниями. Но! Это никак не умаляет ценности, а, наоборот, добавляет красок книге, которая ярко, правдиво и достоверно описывает события, происходящие в горах Файзабада. Автор пишет образно, описания его зрелищны, повороты сюжета нестандартны. Помимо военной темы здесь присутствует гуманизм и добросердечие, любовь и предательство... На войне как на войне!

© Васильев Г. Е., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе	6
1	8
2	10
3	15
4	17
5	22
6	24
7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Васильев Геннадий Евгеньевич В Афганистане, в «Черном тюльпане»

Об авторе

Васильев Геннадий Евгеньевич, ветеран Афганистана, замполит 5-й мотострелковой роты 860 ОМСП г. Файзабад (1983–1985 гг.).

Принимал участие в рейдах, засадах, десантах, сопровождении колонн, выходил с минных полей, выносил раненых с поля боя.

Из Афганистана вернулся с травмой позвоночника, стал журналистом, членом Союза писателей Крыма. В настоящее время работает директором одного из Крымских издательств.

Почтовый индекс 97403
Автономная Республика Крым, г. Евпатория,
ул. 9 Мая, д. 69-а, кв. 21.
E-mail: vas.kniga@mail.ru

1

Узловатые петли потертой португепи лежали на дощатом полу, неровном, сложенном из тонких, карликовых половиц – коротких досок от обшивок гранатных ящиков. Тут же блестя зеркальными боками консервные банки. Бумажные пачки патронов, похожие на пачки махорки, лежали в складках солдатского одеяла.

– Какое свинство! – Андрей Шульгин, лейтенант рейдовой роты отдельного фэйзабадского полка, прозванный уже «старым лейтенантом» за полугодовую задержку в звании, развел руками перед туго набитым вещевым мешком.

– Скажите, пожалуйста, как воевать таким навьюченным? Как гоняться за босыми «духами»?

Немногословный Орлов усмехнулся, поправил на спине радиостанцию со скрюченной ревматической антенной, тронул пухлые подушечки перевязочных пакетов:

– Волка ноги кормят.

Со стен за сборами равнодушно следили плакаты, наклеенные вкривь и вкось на картонных стенах вместо обоев. Плакатов было в избытке в убогой тесной комнатенке, сооруженной из разобранных снарядных ящиков и коробочного картона в одном из углов большой брезентовой палатки. Из-за отсутствия обоев навязчивой агитацией оклеили все стены командирского «кубрика». На стенках красовались косо наклеенные опрокинутые трибуны с опрокинутыми графинами и опрокинутым толстощекимым оратором, читающим по невидимой, тоже опрокинутой бумажке: «ЗАВТРА РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СЕГОДНЯ! СЕГОДНЯ – ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА!».

Опрокинутые золотые звезды на пиджаках держались крепко, не падали. Бумажные трибуны наплывали на честные бровастые лица, бесцеремонно падали на тучные фигуры в безупречных гуталиновых костюмах, и перевернутый на плакатах размах пятилеток сыпался вниз по чистой голубизне неба, как в песочных часах.

По плакатам изредка бежали косые, веселые, будто пьяные, строчки, нанесенные шариковыми авторучками:

ЭКОНОМЬ САХАР, ПОДЛЕЦ!
ИНАЧЕ БУДЕШЬ ПИТЬ ТОЛЬКО ЧАЙ.
НЕ ДЕЛАЙТЕ ИЗ СНА КУЛЬТ!
МЫСЛЕЙ НЕТ – ОДНИ СЛЮНИ.

Кое-где виднелись и вовсе неприличные словечки, легкомысленно бежавшие по суровой простоте ленинских кепочек.

По толстокожим буквам помидорного цвета – «РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА – В ЖИЗНЬ!» – бежала простенькая будничная фраза: «В СОЮЗЕ ВОДКА БЕСПЛАТНАЯ. ТРИ РУБЛЯ – НЕ ДЕНЬГИ!».

А на пейзаже среди цветов и бабочек, с частоколом дымящих труб на горизонте, олицетворяющих союз природы и советской промышленности, только что появилась новая надпись: «Остался день до Приказа. Вырвем у „духов“ „Зуб“».

Шульгин, только что начертавший эту фразу, бросил ручку.

– Не получается из войны балета, – он натянул на плечи горную ветровку с капюшоном. – Что это за война, скажите! Просто бег в мешках!

Стянул в узел лямки рюкзака.

– Ну, что это? – развел руками Шульгин. – Мы навьючены до отказа, по тридцать-сорок килограмм валим на плечи, а противник в одной рубашке до пят навывпуск. Он же, зараза, с

одной пачкой патронов порхает вокруг нас. А мы – броненосцы какие-то против этих козлов горных. А толку – ноль...

Офицеры надели брюки, стянутые резинками на коленях и щиколотках. Нырнули в зеленую чешую бронежилетов. Набросили плащ-накидки. Сверху – радиостанции. И венец всему – потрепанные русские ушанки со свалывшимся серым мехом. Фигуры огрубели, будто сработанные топором.

– Вот так... Грациозен, как снежная баба, – Шульгин неуклюже шагнул пару, с досадой махнул рукой. – И вообще... Чувствую себя бабочкой, наколотой на булавку.

Ничто уже не удерживало офицеров в разоренной комнатке. Они в последний раз проверили снаряжение, уложили карты, достали по сигарете, закурили.

Тоскливо повисла в воздухе газовая кисея дыма.

Офицеры встали и вышли.

Пухлый розовый палец с плаката ткнул их в спину: «РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА!..»

Кстати, указующий перст был без мозолей.

2

В аэропорт рейдовые роты выдвигались пешком. Файзабадский полк стоял на излучине горной реки Кокчи полковой деревенькой. Дымились трубы баньки и пекарни, блестели, словно серебряные, покатые крыши клубного ангара, столовой, складов, на веревках сушились и хлопали на ветру белые простыни возле госпиталя. Полковая деревенька дышала завидным покоем.

Приятно было возвращаться сюда после изнуряющих рейдов к застольям в прокуренных, тесных, самодельных каморках, где вместо скатертей стелились газеты, вместо тарелок гремели жестью консервные банки, а традиционные полсотки самогона наливались в необъятные солдатские кружки.

Аэропорт, где размещалась вертолетная эскадрилья, стоял на другой стороне реки, до его территории с полкового берега можно было добросить камнем через кипящие речные буруны. Но вдоль дороги, проложенной от полкового КПП до первого шлагбаума охраны аэропорта, находился афганский кишлак.

Глухие дувалы кишлака выглядели угрюмо, неприветливо. Афганцы из кишлака держались всегда настороженно и гостеприимством не отличались.

Они жили в опасном районе этой затянувшейся войны, в нейтральной ее полосе, рискуя оказаться втянутыми в действия той или другой стороны воевавших. Поэтому отношения с местными у полковых старожилов не складывались. Афганцы других, более отдаленных кишлаков, были гораздо дружелюбнее, приветливее, любопытнее. Местные афганцы смотрели на «шурави» угрюмо.

Поэтому наши солдаты опасались проходить вдоль кишлака пешком, в одиночку, терпеливо дожидаясь попутных машин. Это было одно из неписаных полковых правил, продиктованных чувством самосохранения.

Сейчас солдаты шагали вдоль глинобитных дувалов огромной полковой массой, заполнившей каждый метр дороги, и могла эта масса выплеснуть столько огня, что снесло бы огненным смерчем, сравняло с землей любой враждебный кишлак.

Страшна была эта масса своей военной мощью.

Каждый понимал это, и каждый, слившийся с этой страшной мощью, чувствовал исходящую от нее грозную силу.

Армия, числившаяся в армаде советских войск сороковой...

Ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

К сожалению, ограниченный...

За шлагбаумом аэропорта тянулись деревянные модули файзабадских летчиков и длинная взлетная полоса, похожая на обычную пыльную грунтовую дорогу. В Файзабаде взлетную полосу не мостили металлической чешуей или бетонными плитами, как это обычно делалось во многих афганских аэропортах. Все здесь было проще, естественней...

Перед посадкой на вертолеты всех офицеров вызвали к «Первому». Такой неизменный позывной был на многих операциях у полкового командира, молодого коренастого подполковника с фамилией, словно заимствованной из типичной триады бесчисленных Ивановых, Петровых, Сидоровых, но слегка измененной – Сидорчук.

И сейчас стоял этот «нетипичный» Сидорчук перед своими озабоченными офицерами, по-мужицки расставив ноги, набычив шею, облик его явно воплощал собой шальную молодецкую удадь.

– Ну что, товарищи офицеры, – ухмыльнулся Сидорчук и выложил свою привычную формулировку, – пионеры, дипломаты на веревочках, сегодня мы, наконец, сделаем то, что еще никому не удавалось.

Сидорчук энергично прошел вдоль строя, внимательно глядя каждому в глаза. После чего начал инструктаж.

– Начинаем штурм высоты, обозначенной «Зубом». Штурм самого укрепленного в нашей местности района с семью этажами обороны.

– Вы знаете, что взять боем этот укрепрайон безуспешно пытались все поколения сменного состава нашего отдельного полка. Предыдущие попытки обернулись трагически. В прошлом наш полк уже нес тяжелые потери, замечу всем – людьми и всякой неодушевленной техникой...

– Сегодня наступил наш черед.

Сидорчук оскалился хищной улыбкой:

– И «Первый» наш ход противнику очень не понравится. Я, подполковник Сидорчук, принял командирское решение предварить нашу операцию неожиданной для «духов» высадкой вертолетного десанта, который сегодня же, через несколько часов, соединится с прочими десантами всего нашего полка и батальона соседней кундузской дивизии. Соседи уже в воздухе.

Сидорчук вздохнул.

– Так-то, товарищи офицеры. Противник привык к мысли, что мы не десантники, а пехота, приземленная к проходимым частям местности, которая с вертолетов с неба не сыплется, а всегда липнет животами к бронетехнике. Но сегодня, через пятнадцать минут, ровно в четыре тридцать, мы десантируемся без парашютов, без бронетехники, без артподготовки в самое неожиданное для «духов» место – глубоко в тыл вышеназванной высоты, обозначенной на карте отметкой «два семьсот». Рядом с указанной высотой на площадке, выбранной для десантирования, не имеется ни укреплений, ни близлежащих кишлаков, ни укрепившихся бандформирований. Разворачиваемся всем полком на чистой и обеззараженной от «духов» местности.

Сидорчук показал раскрытую ладонь.

– Вот как на собственной ладони... При полной безопасности для личного состава...

Командир полка подмигнул офицерам. Он гордился этим оперативным планом, разработанным совместно со штабом кундузской дивизии.

Действительно, все прежние попытки штурмов вязли в первых же схватках еще на далеких подступах к высоте. Несколько пройденных с боями километров до «Зуба» обескровливали рейдовые роты, лишали их и сил, и боезапасов. Теперь же операция начиналась стремительным «ферзевым» броском через все поле «игры», и это было в духе подполковника Сидорчука, чувствующего себя не обставленным фигурами осторожным запуганным королем, а свободно фланирующим, наглым ферзем, которого следует опасаться.

– Ну, что, пионеры, герои афганской революции, – усмехнулся Сидорчук, – принимаемся за дело! Сегодня идем в гости к самому Басиру – главарю крупнейшей банды горного Бадахшана. И если мы «сделаем» этого Басира, – подполковник крутанул мощным кулаком, – этого некоронованного короля ближайших окрестностей, то останется только мелочь на закуску...

Сидорчук подошел к офицерам вплотную, хлопнул по плечу лейтенанта Орлова:

– Авангардная группа нашего десанта сформирована из лучших солдат передовой роты нашего полка. Эта группа обеспечит надежным прикрытием высадку всего полка. Командует группой лейтенант Алешин.

– Никак нет, – возразил лейтенант Орлов. – Командует группой лейтенант Шульгин.

– В чем дело? – недовольно спросил Сидорчук, брови у него угрожающе сдвинулись.

– У лейтенанта Алешина семейные обстоятельства, – пояснил Орлов. – Вместо командира взвода с группой пойдет замполит роты.

– Какие еще семейные обстоятельства? – рассердился Сидорчук и рубанул наотмашь рукой, – у офицера на войне не может быть никаких семейных обстоятельств. Повторяю...

Он круто развернулся к строю.

– Чтобы все забыли на войне о семейных обстоятельствах. Что там еще случилось у Алешина?..

Орлов покачал головой.

– Разрешите доложить после операции. Я лично принял решение заменить лейтенанта Алешина замполитом роты. Свои доводы готов изложить в рапорте по возвращению в полк.

Лицо у Сидорчука прояснилось.

– Ну, если вы приняли командирское решение, – сказал он, – я согласен. Командир имеет право принимать решения. И никто не может их отменить, запомните, никто... Я лично одобряю самостоятельные решения своих командиров. Одобряю, понятно?..

Сидорчук коротко вздохнул, подошел к Шульгину, поправил на его плече свернувшуюся лямку вещевого мешка.

– Ну что же, давай, Шульгин, давай... Певец наш модульный!.. Шлепайся на их «огороды». Хватит тебе своей гитарой политотделу нервы трепать, – Сидорчук усмехнулся. – Действуй, Шульгин, на нервы душманам!

Приказываю... При высадке десантной группы укрепиться на указанных позициях и в случае неожиданного приближения противника прикрыть огнем выброску основных сил полкового десанта. Хотя, – Сидорчук покачал головой, – в этот раз неожиданного приближения «духов» не намечается.

Сидорчук самоуверенно вздернул чисто выбритый подбородок и довольно ухмыльнулся:

– На этот раз практически все просчитано! Буквально все! До мелочей!

Модульным певцом командир назвал Шульгина не случайно. Шульгин в свободное время руководил полковым ансамблем и сочинял собственные песни, тут же разлетавшиеся в многочисленных записях по другим полкам. В полковом жилом модуле, в номерах штабных офицеров и женской половины полка кассеты с Шульгинскими песнями крутились чаще последних модных шлягеров.

Офицеры разошлись по своим ротам.

Выдвинулась шульгинская группа к первой паре вертолетов, которые уже вырулили на начало взлетной полосы. Эта первая пара «вертушек» должна была совершить будто бы обычный утренний облет прилегающей территории и, не привлекая внимания, незаметно сбросить в горах группу прикрытия. Через полчаса после закрепления группы прикрытия в ход запускалась вся грузная полковая машина вкупе с прилетающими соседями. Кундузской группой командовал лично дивизионный генерал, с территории полка, из штабного кабинета Сидорчука.

До момента взлета оставались считанные минуты, и Шульгин готов был уже садиться в «Первый» вертолет, как из-за модулей вертолетной эскадрильи вдруг вынырнул медсанбатовский УАЗик. Зеленая машина неслась прямо по взлетной полосе навстречу вертолетам, поднимая густую меловую пыль. УАЗик осадил со скрежетом у первой пары вертолетов, резко хлопнула дверь, и из клуба пыли вынырнула стройная фигурка девушки – медицинской сестры. Она одернула помявшийся в УАЗе халат и подошла к Шульгину напрямую, минуя десятки удивленных взглядов.

– Товарищ лейтенант, – начала она деловито и напряженно, – начальник медслужбы выговаривает вам за то, что вы отказались взять в состав группы санитаря из медсанбата. Вы хоть понимаете, что нельзя лишаться такого специалиста в случае оказания первой медицинской помощи?

Шульгин развел руками:

– Елена Сергеевна, поймите, вертолет не резиновый... Лишний человек – просто обуза, поверьте... В начале операции вообще нужны специалисты другого плана, – он кивнул на своих ребят, – мне огненная мощь нужна, стрелки и костоломы, – Шульгин пожал плечами, – а костоправы понадобятся немного после, а то и вовсе не понадобятся.

Шульгин потянул девушку за локоть в сторону от взлетной полосы, подальше от любопытных глаз и ушей.

– Елена, ты сошла с ума, – сказал он потеплевшим голосом. – Успокойся, все будет в порядке, поверь мне... Окопаемся всего-навсего, а всего через полчаса тысяча стволов окажется за спиной. Не переживай, пойми, это обычная операция, почти никакого риска, пустяки... Ну, что ты...

Девушка подняла голову, посмотрела Шульгину прямо в глаза, пытливо, встревоженно:

– Андрей, почему ты пошел вместо Алешина? Неужели нет других командиров взводов? Ну, почему ты? – стон застыл у нее на губах. – Ты разве забыл... Мы же договаривались, Андрей... Перед каждой операцией ты заходишь ко мне на одну минуту. Ты же мне обещал, – она взяла лейтенанта за руку, – всего на одну минуту... Как ты не понимаешь, бедовая моя голова! Для меня это очень важно!

Она взяла лейтенанта за вторую руку, и так они и стояли на глазах у всего полка, у всех солдат, скосивших любопытствующие глаза, вытянувших шеи, у штабной группы офицеров, окружающих своего лихого командира и поглядывающих на них с удивлением.

Женщины в Афганистане были на особом положении. Эту необъявленную войну, серьезное мужское дело, немногочисленные женщины – медсестры, машинистки, связистки, официантки – согревали своим душевным теплом, вносили в нее что-то домашнее, уютное.

– «Метель-один», я, «Первый», прием, – заскрипела вдруг ожившая радиостанция Шульгина.

«Метель-один» был Шульгин. Он отнял руки от горячих ладоней девушки и нажал на тангенту радиостанции:

– «Первый», я, «Метель-один»...

– Время вышло, «Метель-один». Начинай отсчет... Передай Елене Сергеевне, чтобы не волновалась. Передай, все просчитано. Скажи ей, что я, Сидорчук, за тебя лично отвечаю. Так что, вперед, сынок...

Елена вдруг всхлипнула, не удержалась, припала на мгновение к груди лейтенанта. Ее волосы упали волной на выгоревшую ткань лейтенантского бронежилета.

– Я ничего не могу с собой поделать, Андрей, – зашептала она жалобно, сметая пальцами с ресниц горькую влагу слез, – прости... Мне трудно с собой справиться. Что мне с собой поделать? Я буду ждать. Всех вас ждать... Дай вам Бог всем вернуться назад...

Шульгин наклонился, прикоснулся губами к волосам девушки, быстро развернулся и побежал к вертолетам. Солдаты, прощаясь, замахали руками красивой печальной сестричке, оставленной их любимым лейтенантом.

Нехотя закружились с каким-то животным уханьем винты первого вертолета, у-у-у-ух, у-у-у-ух.

Затем это филинское уханье стало частым, свистящим...

И вертолет, рядом с которым стоял Андрей, начал медленно и неудержимо свой разбег.

Андрей сделал несколько шагов, держась за выставленный трап, не решаясь на последний рывок в дрожащую глубину десантного салона, и тут медицинская сестра решительно замахала рукой.

Начавший движение вертолет оторвался от лейтенанта, пошел вперед, содрогаясь мощью авиационных двигателей, а Шульгин развернулся в обратную сторону и побежал навстречу к медицинской сестре.

– Товарищ лейтенант, – выкрикнула она, – вы же забыли!.. Вы не взяли санитарную сумку!

Она сорвала с плеч походную аптечку с нашитым крестом – невинный предлог для краткой встречи, который забытой вещью прятался за ее спиной во время их быстрого разговора.

Шульгин поймал брошенную сумку.

– Это нам совсем не пригодится! – крикнул он через плечо, и побежал ко второму вертолету, тоже набирающему скорость.

Несколько рук подхватили его за тяжелую амуницию, и втащили в салон разгоняющейся машины.

3

И еще одно женское сердце трепетало в это тревожное утро.

Затряслись руки неумной дрожью так, что вылетел серым воробьем из рук конверт с треугольной печатью.

Пэ-пэ... Восемьдесят девять девятьсот тридцать три.

Пэ-пэ – это полевая почта.

Почему же, собственно, полевая почта?

Где это?

Почему нет названия города в обратном адресе? Или хотя бы имени деревушки? Кулибино... Воробьево... Вересаевка... В болотах, в тайге, в дремучем лесу... Все равно где... Только не это пэ-пэ... Безымянная полевая почта...

Где же он все-таки служит?

Дрожащие пальцы подняли серенький конверт.

Почему этот крохотный листок так долго добирался какими-то окольными путями? Почему в строчках короткого письма – зима? А за окном уже тает снег.

Почему он так назойливо шутит? В каждой строчке, в каждом абзаце...

Почему старательно твердит, что все у него хорошо?

Почему он ни на что не жалуется?

Как это странно... когда все хорошо...

И отправился конверт в карман домашнего халата, а ноги – в тапочки... Зашуршали тапки, зашлепали. Женщина вышла из квартиры, спустилась этажом ниже. За дерматиновой обивкой залился соловьем дверной звонок соседской квартиры.

– Извините, Сергей Иванович, – женщина смущенно пожала плечами. – Неудобно вас беспокоить. Но податься мне некуда, понимаете?..

Женщина сдавленно всхлипнула.

– С сыном что-то неладное...

Сергей Иванович взволнованно развел руками:

– Да что вы, голубушка, Анна Ивановна? Что случилось? Успокойтесь...

Но только успокоиться Анне Ивановне не удалось. Она достала конверт и протянула его соседу.

– Вот, пишет... Все у него хорошо...

– Ну, во-от, – облегченно вздохнул Сергей Иванович. – Все хорошо. А вы волнуетесь...

– Поэтому и волнуюсь, – вздрогнули плечи Анны Ивановны, – потому что знаю. Он у меня такой... Если пишет, что все у него хорошо, значит очень трудно ему. И потом адрес воинской части какой-то странный.

Анна Ивановна ткнула пальцем в нижний угол конверта.

– Посмотрите сами. Вы же военный человек. В военкомате работаете. Что это за адрес?

Сергей Иванович посмотрел на ломаный детский подчerk на конверте и вздрогнул. Отвел от конверта глаза. Руки у него растерянно потянулись к пуговицам домашней рубашки.

– Обычный адрес, – расстроено сказал он. – Сейчас у многих частей такие адреса. Для сохранения военной тайны.

Он взъерошил волосы.

– Ничего страшного. А сам-то он что про свою часть пишет?

Женщина опустила плечи.

– Пишет, что часть в каком-то степном районе. В Туркмении. Недалеко от какой-то границы. Закрытый район. Пишет, что ни души вокруг. Одни суслики. Маленькие, знаете, такие, шустрые, на кенгуру похожие. Он про этих сусликов целые истории рассказывает.

Женщина вздохнула:

– Нет там никаких сусликов.

– Ай-ай! – сердито воскликнул Сергей Иванович. – Зря, вы мамаша, сыну не верите. Если пишет суслики, значит, суслики. А не какие-нибудь тигры или гиены. Ай-ай...

Он поднялся с места и помахал конвертом.

– Напрасно вы волнуетесь, Анна Ивановна. У нас в армии самый крепкий порядок в таких частях. Дисциплина. Ответственность. Полевая почта! Это же понимать надо. Это вам не какое-нибудь паркетное заведение. Канцелярия там, контора, скрепки-булавочки... Служба! Понимаете... Настоящим делом сын занят. Радоваться надо! Кем он у вас там служит?

Женщина развела руками:

– Пишет, что хлебрезом в хозяйственном взводе. Хлеб он там режет. Чепуха какая-то... Хлеб режет целыми днями... Ни за что не поверю...

– Ай-ай, Анна Ивановна, – опять вскричал Сергей Иванович. – Армия доверила вашему сыну самое дорогое – хлеб. Да вы знаете, что хлеб – всему голова. Вот генеральный секретарь партии сам лично писал... Понимать же надо... такая высокая ответственность... Гордитесь, мамаша, гордитесь...

Он вдруг схватился за сердце. Кровь бросилась в лицо.

– Золотое у вас дите, – взволновано сказал он и вытащил из кармана упаковку валидола. – Хлеб режет для всей части. А вы...

Анна Ивановна смутилась. Подала соседу стакан воды. Вздохнула. Действительно, режет хлеб... Что ж тут такого?

Провалилось письмо в карман халата. Зашлепали тапочки по паркету. Скрипнула дверь.

Делом сын занят, делом...

Только какое же это дело?

Хлеб резать...

Но почему сосед без валидола с ней не разговаривает?.. Э-эх...

А сосед за закрытой дверью вдруг ударил по столу кулаком.

– Ниночка, – крикнул он жене. – У нас водка есть? Есть водка?.. Ну, не праздник сегодня... Не праздник...

Наоборот.

Он махнул рукой:

– Ладно, не ворчи... Хоть валерьянки налей полстакана. Кому война, а кому...

И опять кулак опустился на дрогнувший стол.

4

Шульгин, неповоротливый, неуклюжий, сидел, наклонясь вперед, не в силах опереться на вещевой мешок за спиной, который подобно неудобному горбу сталкивал его с узкой вертолетной скамьи десантного салона. Качались гудящие борта винтокрылой машины. Бортовые иллюминаторы то круто взлетали вверх, упираясь в пустое, бессмысленное небо, то падали вниз. Дрожали в полосах света бесчисленные пыльные крошки. Кружились по днищу вертолета клочки бумаги. Плясала около щеки черная мушка автомата. Трепетала перед глазами тонкая нить антенны.

Один из летчиков в светло-сером комбинезоне, выглаженном, элегантно, по сравнению с мешковатой формой пехоты, находился в десантном салоне. Улыбаясь, поглядывал в сторону напряженных солдат. Спокойно вертел в руках кубик Рубика. Выстраивал грани, почти не глядя. Изредка посматривал в иллюминатор. Похоже, он не воспринимал всерьез ни эту операцию, ни эту афганскую войну.

Шульгину давно уже казалось, что многие летчики относятся ко всему происходящему на афганской земле снисходительно, словно смотрят на все происходящее здесь из театрального партера. И хотя они видели смерть далеко не театральную, и тоже отправляли цинки с телами своих друзей, но и это не мешало им жить здесь обычной гражданской жизнью и даже делать в Афганистане совсем невоенный «бизнес».

И летели вместе с военными грузами, болтаясь в топливных баках, сотни бутылок «Столичной», «Русской», «Московской»... И в сравнении с той высокой ценой, которую монополю поддерживали все летчики на своем внутреннем «водочном фронте», водка в Союзе казалась вовсе бесплатной. Отличалось отношение к этой войне у летчиков и у пехоты-матушки, хотя сам Шульгин отчетливо не понимал, чем же оно отличалось?

Он смотрел на чисто выбритого летчика, щеголяющего аккуратной прической с пробором, безупречной чистоты летным комбинезоном, новенькими гражданскими туфлями, и думал о том, что срок службы летчиков в Афганистане вдвое короче, чем у пехоты – всего один год, да и тот чередуется многочисленными отпусками для отдыха и реабилитации.

Шульгин со вздохом посмотрел на своих парней в замызганных, выгоревших бронежилетах. Кто-то из них, возможно, не переживет сегодняшнего дня.

Летчик по-прежнему спокойно вертел цветными гранями кубика. Из хаоса красок за несколько движений нанизывал друг на друга цветные полоски, и, выстроив полную гармонию цветов, вдруг смешивал все обратно в пестрый хаос.

И вдруг так же, в несколько мгновений, от гармонии к хаосу, смешалось все в десантном салоне.

Встревоженный летчик вдруг замер в неудобной, напряженной позе.

Серый комбинезон тучкой навис над мутным стеклом.

Летчик обернулся.

Его скучающий вид стерло, как губкой. По лицу, крупному, побагровевшему, пробежала злая усмешка. Летчик прокричал что-то беззвучно, коротко шевельнулись губы, растянулись, сложились, вытянулись трубочкой. Оглушительный рев винтов разорвал слова на скомканные слоги, выплюнул косточки звуков:

– Жар-р... точ-ч... р-рез-з...

Летчик рубанул ладонью по воздуху, ткнул кулаком в пыльное стекло. Грузные фигуры солдат зашевелились, потянулись к иллюминаторам. В круглых стеклянных экранчиках закачались русские шапки-ушанки.

Горы стремительно нарастали внизу.

Снежные панамы на седых скалах менялись рыжими пятнами распаханых пашен.
Белые клочки облаков цеплялись за крутые вершины скал.

И там внизу посреди угрюмых камней пульсировали еле заметные и вроде бы безобидные вспышки.

Слабые, жидкие огоньки, искорки, гаснущие в одно мгновение.

Андрей понял усмешку летчика.

Посадочная площадка, намеченная штабом к высадке дивизионного десанта, тщательно подобранная среди многих возможных вариантов, вдруг оказалось под плотным огнем. Пулеметным, кинжальным, смертоносным.

Будто их намеренно встречали в точно определенном месте, в точно назначенное время.

Эта мысль невольно мелькнула в сознании Шульгина.

Вертолет неожиданно заложило в глубокий вираж. Левый борт взмыл почти вертикально. Солдаты посыпались от него, съезжая по стальному бугристому полу.

Шульгин с хрустом вдавился в правый борт, ударившись лицом в стекло иллюминатора. Что-то тяжелое, теплое навалилось на ноги. Резко хлестнула по щеке антенна. Глухой болью в паху отозвались негнущиеся пластины бронжилета.

Вертолет медленно вышел из виража. Тут же лег на другой борт, заново перетряхивая содержимое своего нутра.

Тело Шульгина съехало вниз. Ноги на мгновение стали легкими. Он едва успел ухватиться за дрожащую переборку.

В иллюминаторе над ним нависло молочное небо.

Рядом с Андреем оказался летчик. Лицо летчика, еще недавно насмешливое и невозмутимое, пылало жаром. Из рассеченной губы текла кровь. Шульгин почему-то сравнил окровавленную щеку летчика с лопнувшим помидором. Где он видел такие раздавленные помидоры?

Новый вираж вновь вдавил Андрея в переборку. Вибрация обшивки передавалась телу. Летчик махал ему свободной рукой. Окровавленные губы у него, растягивались и сжимались, как резиновые – он что-то кричал.

Шульгин придвинулся вплотную к лицу летчика, перекошенному злой гримасой, сумел перехватить жеванные обрывки слов:

– Нарва... и-ись на дэшэка-а. Не-е оторва-аться... Суши-и в-есла. Буд...м садь...ся. Нос...м в задн...цу-у...

Шульгин метнулся к иллюминаторам. По мутным стеклам будто мазнуло грязью. Слоистый дым прижимался к стеклам, липкий и неотвязчивый. Сквозь дым вдруг мелькнуло серое пятно первого вертолета.

Он летел, беспорядочно вращаясь и заваливаясь, то на один бок, то на другой. И если шульгинский вертолет все время нырял под пулеметные очереди, умно, грамотно меняя направление полета, то первая «вертушка» летела прямо навстречу пулям, словно слепая, и они потрошили ее серебристое нутро, вырывая из обшивки крупные клочья.

Сердце у Шульгина болезненно сжалось. Словно огненные бичи невидимых пуль рвали его самого. Он понял, что вертолетному экипажу ведущего вертолета крепко досталось от первых очередей зенитного пулемета. Ведущий вертолет был неуправляем.

Он летел прямо на скалы, навстречу жалящим его огненным осам, увлекая в гибельную пропасть десять лучших солдат шульгинской группы.

Этих солдат-добровольцев лучшей рейдовой роты фэйзабадского полка Шульгин отбирал сам, отвечал за них лично, как и за тех, прижавшихся сейчас к переборкам за его спиной.

И сейчас лучшие парни неотвратно погибали на его глазах.

Они неслись навстречу неумолимой смерти, и никто не мог уже подать им руки в эту смертельную минуту.

Шульгин вдруг вспомнил, как совсем недавно оторвался трап этого вертолета из его собственных рук, и сердце его заняло в тоске.

Борт летел, объятый черным дымом.

Скорее даже не летел, а стремительно падал.

Проваливался в ямы, клевал носом, судорожно вздрагивал...

И своей неизбежной гибелью все равно продолжал спасать своего ведомого.

Шульгин заметил, что их вертолет закрывается плотной дымной завесой, стелющейся за горящим вертолетом, от прицельного огня душманского ДЭШЭКа¹, время от времени выныривая из дыма для того, чтобы дать залп НУРСов, и залить горы свинцом носового пулемета.

Сбитый ведущий вертолет не давал душманам расправиться со вторым экипажем. Погибая, он распустил большой черный шлейф, заботливо накрывая им живых своих братьев. Сквозь сизые клочья дыма из шульгинского иллюминатора было видно, как стремительно налетает земля, комковатая, рыжая, исполосованная темными бороздами.

– Пашня, – пронеслось в голове у Андрея. – Это наш последний шанс – шлепнуться в мягкую грязь, а не на камни. На камнях всех побьет в кровавое месиво. Господи, только бы упасть на пашню...

Мысли Андрея разбежались беспорядочно, и ему, повисшему вместе со всеми в проваливающейся пустоте неба, так захотелось почувствовать коленями, локтями ласковую, пахучую перину земли, что застывшее сердце будто остановилось.

Шульгин закусил бесчувственные губы.

Сошлись на переносице упрямые брови.

Затаились солдаты в потемневшем салоне.

Первый вертолет налетел грудью на скалы со всего размаха. Огненный, огромный шар блеснул на мгновение, и выбросился над красным заревом зловецкий, черный гриб, оставшийся дрожать и колыхаться гигантским смерчем-памятником над братской могилой русских парней.

Второй вертолет, неотрывно шедший в дымовом шлейфе, перед самым взрывом дал резкий крен в сторону и успел оторваться от страшной, несущей неминуемую смерть, взрывной волны. Эта волна только тряхнула борта, оторвав десант от переборок, сбив людей с ног.

И осталась беззащитной серебристая воздушная стрекоза в нескольких сотнях метров от беспощадного ДЭШЭКа.

И вновь поступил умно многоопытный летчик.

Вместо того чтобы набирать спасительную вроде бы высоту, уходить в недостижимое голубое пространство, медленно поднимая вверх тяжелое нагруженное брюхо, летчик направил машину камнем к земле, заваливая ее то на один борт, то на другой. Тяжелые пули ДЭШЭКа расстреливали только иссеченный винтами воздух. Земля летела навстречу с ужасающей быстротой. Перед самой высадкой летчик, дежуривший в салоне, открыл рывком десантный люк, и большим пальцем решительно ткнул вниз.

Шульгин понял решение экипажа. Обычная высадка десанта под прицельным огнем душманов была невозможной. Остановившийся, зависший для посадки над землей борт расстреляли бы в одно мгновение. Взрыв топливных баков и боеприпасов мог бы разнести всю команду на куски. Поэтому десантироваться предстояло с летящего борта, несущегося над самой землей.

И Шульгин поднял руку вверх, призывая весь десант действовать по его примеру.

Быстрым движением сорвал Шульгин с плеч вещевой мешок.

Сжал его левой рукой.

¹ ДШК – крупнокалиберный пулемет.

Вещевой мешок, оставленный за плечами, мог в прыжке перевесить тело, зависнуть над головой и ударить в затылок при приземлении.

Правой рукой Шульгин сжал цевье автомата.

Подойдя к дверному проему, Шульгин обернулся к десанту.

Махнул автоматом по направлению своего прыжка.

Не мешало в такой отчаянный момент напомнить, что прыгать с движущейся машины нужно только лицом в сторону движения.

Делай, как я!..

И Шульгин выпрыгнул из вертолета в сторону, подальше от винтов и понесся вниз, отбросив от себя вещевой мешок.

Приземлившись налегке с одним автоматом, он перевернулся через правое плечо, пропахал в пашне глубокую борозду и замер, стараясь быстрее придти в себя, понять свое место в опасной круговерти боя.

Солдаты сыпались один за другим впереди него, а вертолет, замедливший свой полет, уже заметно вздрагивал от бивших в него пулеметных очередей.

Было ясно, что целым этому борту не выйти из смертельной зоны, и Шульгин перевел взгляд в сторону, откуда летели пулеметные очереди.

Крупнокалиберный ДЭШэКа бил с соседнего хребта с 500-метрового расстояния, и Шульгин с удивлением заметил сооруженную вокруг ДЭШэКа прочную каменную кладку, облепленную свежей глинистой землей. Больше сотни «духов» стреляли по вертолету и сброшенному десанту, надежно укрывшись среди каменных валунов. И шульгинские ребята, падавшие на пашню, как живые мишени в страшном тире, были бы их неизбежными жертвами, если бы не последнее решение командира их подбитого борта.

Он не бросил вертолет сразу.

Не оставил смертельно раненую машину.

Не отвернул в сторону, подальше от клочущего огня.

Заложив свою винтокрылую птицу в последний вираж, он вывел вертолет на гибельную прямую между двумя высотами, между укрытыми за камнями торжествующими «духами» и беззащитно выброшенным на пашню десантом.

Весь летный экипаж по его приказу тоже оставил борт через десантный салон, а командир подбитого вертолета пошел прямо в лоб в свою последнюю, смертельную атаку на обложенный камнями ДЭШэКа.

Он упрямо летел на черные валуны, уже охваченный дымом, вздрагивающий от гибельных очередей, от прямых попаданий, и тоже стрелял и стрелял по духам.

Шульгин увидел, как рассыпались камни укрепления крупнокалиберного пулемета, как свалилась эта страшная машина с ножек своего станка, как выскочили из-под камней и бросились вверх по хребту духи, и как врезалась крылатая стрекоза в черные валуны, безобразно смявшись и рассыпавшись на сотни мелких осколков.

Так же знакомо блеснул огненный шар, и всю высоту душманов накрыло облако черного едкого дыма.

Страшен был этот последний удар.

Обе высоты вздрогнули.

Потемнело небо, пеплом покрылись облака...

И долго-долго падали с небес искореженные куски металла.

Прямо перед Шульгиным вонзилась в землю смятая вертолетная лопасть. А душманская высота на мгновение замолчала, оглушенная, ослепленная, окруженная дымом, и этого непродолжительного затишья хватило шульгинским ребятам и уцелевшим парням из экипажа вертолета, чтобы зарыться в пашне, спрятаться в ней, накидав перед головой и вокруг себя холмы свежерытой земли.

Шульгин забросал землей счастливо упавшую к нему вертолетную лопасть, врылся под нее, и оказался за надежным бруствером, способным защитить даже от пулеметного огня.

Его КП в одно мгновение обрело замечательную неприступность, и теперь можно было позаботиться о связи с полком.

– «Первый», я «Метель-один», прием, – раздался в эфире его позывной.

– «Первый» на связи... Слышим, сынок, что у вас происходит, – слышался среди эфирного шороха тихий и горький голос командира. – К вам на помощь уже поднят весь состав боевых вертолетов. А теперь, докладывай о потерях, «Метель».

И повисла в эфире тоскливая траурная черная пауза.

5

Почернело, казалось, все... Черная завеса глухо закрывала царские врата Никольского храма. Черный бархат окутывал аналои, черный сатин спадал рушниками с икон. И священник вышел тоже в черном. Только серебряные ленты струились по черной ризе и тусклым серебром блестели кресты из серебристой парчи.

Траур...

Почему траур, жалобно забилося сердце Анны Ивановны, впервые зашедшей в церковь в это великопостное утро.

Гулким стоном отозвалась душа на суровую простоту храма.

Траур...

И когда она с трудом протянула к огню дрожащую свечу, слезы хлынули у нее бурным потоком.

Траур...

Что же все-таки с сыном? Что с ним, родной кровиночкой?..

Неужели что-то случилось?.. Что-то непоправимое, ужасное...

Траур...

И тут тенью мелькнуло рядом черное священническое облачение, и черные складки ризы колыхнулись возле подсвечника.

– Вам плохо? – священник участливо склонил голову. – Что-то случилось?..

Анна Ивановна попыталась сдержать слезы, но куда там... Сердце зашло в бурном рыдании. И поплыли, размылись очертания подсвечника, деревянных окладов икон, аналоев. Подогнулись ноги. Так что едва успели церковные служащие подхватить Анну Ивановну и довести до лавочки возле стены.

Священник присел рядом. Привычно. Терпеливо. Будто знал, какие тревоги и горестные сомнения терзают материнское сердце.

– Не унывайте, – тихо вздыхал он. – Бог милостив. Он не даст тяготы свыше сил... Вы уж поверьте... Каждому Бог дает свой крест по силам... Не падайте духом...

Но как же не падать духом? Как терпеть? Как нести этот неведомый крест?

И Анна Ивановна сбивчиво и торопливо рассказала о своих материнских страхах, о своих недоумениях, а батюшка медленно кивал седой бородой на каждое слово.

– Уповайте, милая, уповайте на Бога... Все ведь в руках Божиих. Что ни делается с нами, все промыслительно и не случайно. Вот и мирская поговорка гласит: что ни делается, то к лучшему...

Батюшка вздохнул:

– Воистину так... Что ни делается, все от Бога. И скорби от Бога, и тяготы, и лишения, и радости. А сын у вас хороший. Я вижу, как он вас бережет. А что сыну вашему нужно претерпеть, кто знает?.. Только Бог...

Колыхнулись отражения свечей в серебре нагрудного креста.

– Где он служит, скоро откроется. Только, может быть, лучше этого не знать. Не всякую правду можно снести...

Но только Анна Ивановна вскинула плечи:

– Что вы, батюшка?.. С правдой все же легче... Пусть будет любая, самая горькая правда... Неизвестность куда страшней...

И батюшка пытливо взгляделся в материнское лицо, вздохнул и накрыл рукой Голгофу на священническом кресте.

– Скоро вы узнаете, где ваш сын, – сказал он кротко. – Бог откроет.

Батюшка покачал головой.

– Материнское сердце крепкое, многое может снести. И вы держитесь, матушка, ибо материнской молитвой держится мир.

Священник протянул Анне Ивановне маленькую икону, которая обожгла руки холодом меди.

– Возьмите этот образ на молитвенную память. Многие муки перенес этот маленький образок. Соловецкие лагеря, ссылки, сталинские тюрьмы. Он даже почернел от испытанных горестей. Многие старцы передавали его из рук в руки. Мне он достался от духовного отца. Пусть он теперь вашу душу согреет.

Медная иконка действительно быстро согрелась в руках у Анны Ивановны. И какое-то особое тепло пошло от нее еле уловимыми токами.

– И вот эту молитву возьмите, матушка, – протянул священник Анне Ивановне сложенный вчетверо машинописный листок, отпечатанный на серенькой бумаге. – *Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится...*

Священник перекрестился.

– Читайте каждый день за спасение вашего сына.

И добавил совсем тихо:

– Поверьте, это ему поможет...

6

Прошла недолгая пауза в поединке между горсткой русских парней и бандой душманов. Приготовившие мастерскую засаду, «духи» вдруг осознали позорное поражение за истекшие минуты скоротечного боя.

Авангардная группа, казалось бы, совершенно обреченных на смерть «шурави», несмотря на огненный мешок, устроенный для вертолетной пары, несмотря на уничтоженные, обращенные в пепел борта, все же закрепились на плацу, ушла в землю, выставила стволы автоматов и пулеметов, и теперь только прямой рукопашной атакой можно было выцарапать этих упрямых русских из распаханной пашни.

Но только душманы не любили рискованные рукопашные атаки против «шурави», особенно из авангардных групп. Да и как любить такие страшные атаки? В рукопашной «шурави» дрались особенно ожесточенно, не на жизнь, а на смерть...

И даже эти потрепанные в жестоком огне, брошенные в полном одиночестве, оторванные от полка мальчишки в прямой рукопашной схватке представляли грозную силу.

Шульгин понимал, что рукопашной схватки с «духами» можно не опасаться. Но, предвидя ураган душманского огня, готовый обрушиться на них в отместку, приказал всей группе залечь на дно окопов. В сложившейся ситуации только ему одному можно было сравнительно безопасно наблюдать за картиной боя из-за надежного бруствера вертолетной лопасти.

Действительно, душманы обрушили на них настоящий огненный шквал. Весенняя пашня закипела от горячего свинца. Воздух звенел от визгливого разноголосья летящих пуль. Ключья горьковатого, душного дыма неслись от останков павшего вертолета, все еще мешая «духам» вести настоящий, прицельный огонь.

Шульгин видел, как душманы пытаются поднять на станок смертоносный ДэШэКа, и только этот страшный объект и держал на прицеле своего автомата. 500-метровое расстояние было очень удобным для его «Калашникова». Шульгин любил такие дуэльные дистанции.

Поднимались над черными валунами, камнями разваленной кладки пестрые халаты душманов, и летела неожиданная шульгинская очередь, короткая, всего в две пули. Шульгин перекатывался на другую сторону бруствера, а за каменной кладкой на другой стороне ущелья раздавались гортанные крики. Шульгинские пули, видимо, достигали своей цели.

Две пули – оптимальное число для автоматной очереди, этому Шульгина учил его «Первый» «афганский» командир в учебном спецполку Туркестана, готовивший к отправке «за речку» пополнения солдат. «Третья пуля уже идет вразнос, отклоняется от цели – это лишняя трата боеприпасов, – учил его бывший ротный, – и к тому же длинная очередь – лишняя опасность засветить, открыть свое положение. Чем меньше времени ты на виду у противника, тем меньше времени даешь ему на прицеливание. Если укладываешься со своим выстрелом в 1–2 секунды, нормально... Припозднился немного, и ты уже „трупешник“».

Шульгин быстро выныривал из-за своего укрытия, стрелял, нырком панад на землю и зычно выкрикивал команду «лежать» поднимающимся над окопами головам своих солдат. Участие всех его ребят в неравной огненной схватке было излишним.

Возможно, Шульгин вообще неправильно понимал смысл боевых действий в этой необычной войне без фронтов и правил. Для него главным значилось сохранить подчиненных в самой опасной ситуации. Вопреки жестоким обстоятельствам сохранить живыми, оставить в боевом строю, возратить на «большую землю» к долгожданному солдатскому «дембелю».

Этот простой смысл так прочно вошел в сознание Шульгина, что невозможно было убедить его напрасно жертвовать жизнями своих ребят во имя взятия какой-либо безымянной высоты или какого-то важного афганского укрепления. Взятые высоты и укрепления все равно приходилось возвращать хозяевам. Такие победы не имели в глазах Шульгина серьезной цены.

Победа не всегда измеряется количеством взятых высот. И все же в самые горячие места часто посылали старшим именно Шульгина. Наверное, за то, что он умел обходиться минимальными потерями.

Возможно, подобный смысл боевых действий в необъявленной войне видели многие офицеры в Афганистане, но встречались среди них и бездумные растратчики чужих жизней.

– «Метель-один», я «Основа», прием, – раздался в эфире нервный голос начальника политотдела подполковника Замятина, постоянно взвинченного человека с неизменными претензиями ко всем офицерам полка. – Доложите о моральном состоянии личного состава.

Шульгин, только что поймавший в прорезь прицела поднимающихся «духов» и нажавший на курок с невольным рывком, выругался – очередь сорвалась.

Он нехотя сжал тангенту и ответил:

– «Основа», «Метель-один»... Докладываю... Моральное состояние группы на пределе. Вокруг гарь от сгоревших вертушек, до сих пор падает пепел. Сами не можем поднять головы. А теперь, извините, не до разговоров. Идет бой. Прерываю связь. Прием...

– «Метель-один», – зашипел в ларингофонах неприязненный голос, – приказываю немедленно поднять моральное состояние группы. Не забывайте о своем партийном долге. Вы – прежде всего политработник, замполит стрелковой роты... И это вам не просто шашкой махать...

Шульгин снова беззвучно выругался.

Почему-то не чувствовал подполковник Замятин разительного несоответствия своих слов с обстановкой. Почему-то всегда говорил и действовал этот человек невпопад, словно стоял ко всем спиной. Намертво привязанный к каким-то неживым истинам, он пытался всю жизнь афганского полка подчинить букве машинописных инструкций.

Голос Замятина продолжал раздраженно бубнить по далекой связи, но Шульгин, прижавшийся щекой к деревянному цевью, не дыша, посылал пули по развалинам душманского укрепления. Как важно было не дать «духам» поднять этот чудовищный пулемет, из-за которого только что сознательно ушел из жизни прекрасный смелый человек.

Как жаль, что Шульгин не был с ним лично знаком.

Как жаль, что никогда уже не сможет пожать ему руку.

Жаль...

И шульгинские пули стремительно пронзали воздух жгучими жалами.

Жаль, жаль...

За командира погибшего борта. Жаль...

За разнесенных в клочья ребят. Жаль...

За слезы матерей и жен. Жаль, жаль...

Душманы так и не смогли поставить на станок свой крупнокалиберный пулемет. Не успели залить свинцом единственный действующий ствол ушедшей в землю группы. Не сумели подойти ближе.

Слишком грамотно действовали свалившиеся из дымящейся «вертушки» русские парни. Ни один из них не подставился навстречу шквальному огню. Ни один не остался на прицелах китайских стволов больше секунды. А время уходило, и уже появились на утреннем горизонте черные точки боевых вертолетов файзабадской эскадрильи.

Налет этой разъяренной воздушной стаи был ужасен.

Шульгин направил зеленую ракету в сторону душманской высоты и приказал своим ребятам немедленно выбросить оранжевые дымы.

– Земля, я – Воздух, наблюдаем вас отчетливо, – вышел на связь старший боевых «вертушек», – видим ваши дымы, и направление атаки. А теперь прижмитесь к земле. Ложитесь на самое дно, ребята. Будем разносить все вокруг в клочья. Командир приказал забросать «духов» «капельками».

«Капельками» по связи назывались авиационные бомбы – самое мощное снаряжение винтокрылых машин. Андрей знал, как виртуозно могли кидать эти «капельки» воздушные снайперы файзабадской эскадрильи. Они кидали их не просто обычным полуслепым броском, а словно опытные игроки в классический гольф, метали летящую смерть точным броском-накатом в намеченную лунку. Таким броском они могли закинуть бомбу даже в открытую дверь глинобитного сарая. И Шульгин был свидетелем подобных снайперских попаданий.

Он видел как, задыхаясь, бежали душманы, спасаясь от воздушных «акул», как падали бородатые чалмоносцы в черные проемы дверей, преследуемые пулеметной очередью, вздыхали, наверное, облегченно в темной спасительной глубине, и как летела за ними в самый зев распахнутой двери пузатая бомба. Дом поднимался на воздух, и гордо рассекала грудью поднятые обломки молниеподобная машина в пятнах зеленого камуфляжа.

Сейчас вся файзабадская эскадрилья обрушилась на враждебную высоту, и летели от нее черные точки «капелек», огненные хлопья ракет и тонкие нити пулеметных очередей, сея разрушение и смерть.

Шульгин видел, как вздыбилась земля вокруг душманских позиций, как поднялась в воздух стена мелких камней, кусков глины, кровавых лоскутов и обломков оружия, слышал, как разнесся по ущелью оглушительный гул, смешавшийся с человеческим воем.

Даже шульгинские парни не выдержали и вылезли наверх, выставив чумазые лбы над земляными холмами окопов. Привычные к разным картинам войны с удивлением наблюдали они агонию банды и только досадно морщили лица на крики Шульгина, приказывавшего лечь в укрытия.

Осколки летели через ущелье в их сторону, но солдаты только прижимались к земле от тонкого визга ввинчивающихся в пашню кусков железа, мелких камней, и, по-мальчишески, раскрыв рты, глядели на кровавый спектакль танцующих над высотой воздушных стрекоз.

За эскадрилей боевых вертолетов летели уже пары с десантами рейдовых рот. Штурмовой батальон майора Трофимова, укрепленный полковой разведывательной ротой, саперной группой и отделением химвзвода с огнеметами, выбрасывался вокруг Шульгина, вгрызаясь в каменные хребты. Горы оружия вставали вокруг десятка недавно беспомощных шульгинских стволов.

И уже завыли мины батальонной батареи. Поплыли облачки дыма над разрывами посреди развороченных камней. Гулкой дробью зарокотал крупнокалиберный «Утес». Пошли в полк координаты душманской высоты для полковой артиллерии. Повис над головами желтый шар первого пристрельного снаряда.

Русская пехота прошла своей страшной «косой» по верушкам афганских гор, по склонам весенних пашен, по уцелевшей с зимы жесткой соломе прошлогодней травы.

И обросли уютные горы рыжими солдатскими бушлатами, серыми крылышками ушанок, выцветшей тканью вещевых мешков, и покатались вниз по склонам скомканные пустые пачки из-под дешевых сигарет, блестящие в масле пустые консервные банки и клочья несвежих советских газет.

7

– Богунов, поднимай ребят, – Шульгин выпрыгнул из своего окопа. – Посмотри-ка, они уже спят вповалку. Наелись земли, наглопались дыма, насмотрелись военных кошмаров и спокойно улеглись на боковую... Настоящая фронтовая голь...

Сержант Богунов выкинул из окопа вещмешок и перевалился через бруствер. Рыжеватые кудри в крошках земли выбились из-под шапки, разбежались по сержантскому лицу веснушки, пятная толстую шею на крупных плечах. Насмешливые глаза сержанта блестели васильковым огнем.

– Что, салаги, разлеглись, как у тещи на именинах, – загрохотал его язвительный голос. – Хорош давить на харю... Эй, голь перекатная... Собирай тряпачку, пенюары-аксессуары. Что за хреновина?

Богунов пнул ногой пустую консервную банку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.